

А.Г. Чернышов

Международный интеллектуальный центр «Уникласс», Саратов

ПСИХОЛОГИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ: МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ СТЕРЕОТИПЫ

В социальном поведении и в изменении политической психологии современной провинциальной административной элиты можно выделить два четко и принципиально различающихся между собой периода, обоснование границ между которыми не вызывает каких-либо трудностей и сложностей. Особенности первого периода обусловлены самой процедурой назначения глав администраций на должность президентом РФ. Стратегия поведения и психология президентских назначенцев характеризовалась лавированием между администрацией президента и местными политическими группировками, в основном состоявших из влиятельных в провинции бывших партийных от КПСС руководителей и из выдвинутых новой демократической волны

Наиболее удачной тактикой в этих условиях была демонстрация своей партийно-идеологической непредвзятости и качеств преимущественно не политиков, а крупных хозяйственников. Лидеры провинциальной элиты тем самым определяли свою мировоззренческую и идеологическую нишу вне противостояния столичной либеральной интеллигенции, группировавшейся вокруг президента РФ и региональной некоммунистической номенклатуры, за которой ревниво и пристрастно наблюдали частью допущенные, а в основном недопущенные во власть демократы. Президентская администрация, чье влияние на местах уравновешивалось почти полным отсутствием партийного структурирования населения, относилась к этому с пониманием. Особенности политического мышления глав администраций едва ли не механически и с завидной оперативностью и точностью воспроизводились в высказываниях и в социальных технологиях работников исполнительной и законодательной власти.

Когда же на смену назначенным губернаторам пришли избранные региональные руководители, ситуация существенно изменилась. Вопреки широко распространенному мнению, по нашим социологическим исследованиям и наблюдениям по Поволжскому региону, политическую ментальность избранных глав администраций идеологические предпочтения определяют в последнюю очередь. Главное же - принадлежность к власти, к номенклатуре. Сдвиги в настроениях и в политической психологии новых управленческих команд и номенклатурных кланов не имеют четко выраженной партийно-идеологической направ-

ленности. В них явно превалирует единство взглядов и позиций провинциальной элиты по отношению к элите столицы.

Новая психологическая структура местной номенклатуры имеет отчетливо выраженный иерархический характер. Доминирующий и основополагающий элемент их политической психологии - понимание и осознание своего внутригруппового единства, независимого от идеологических предпочтений. Второй, производный от этого элемент (или уровень) - осознание своих интересов через их противопоставление интересам столичной административной элиты. Идеологический элемент политической психологии провинциальной номенклатуры играет в большей степени вспомогательную роль и реализует чисто ритуальные функции.

В регионах уже не существует необходимости политического лавирования между всемогуществом президентской администрации и социальным влиянием местных некоммунистических партийных кланов. Администрация утратила свое былое влияние на провинцию. Партийная (КПРФ) верхушка практически интегрировалась при сохранении внешней оппозиционности в местную власть, уступив роль передового отряда борцов с режимом новой генерации коммунистических провинциальных лидеров, молодых по возрасту. С определенным основанием можно утверждать, что в современной российской провинции руководство политических движений вместе с административной элитой (или номенклатурой) практически составляет единый, хорошо политически организованный и отоблизованный социальный блок, в котором групповая психология и клановые интересы играют неизмеримо большую роль, чем идеологические и мировоззренческие моменты.

Следует проводить различия между мировоззрением и идеологией провинциальной номенклатуры. Впрочем, ни то, ни другое не имеет принципиального различия в мотивации ее поведения, поскольку эволюция данной группы не имеет развитых форм и пока ограничивается наиболее элементарными явлениями групповой солидарности и самоорганизации. Ее *мировоззрение* представляет собой преимущественно мифологизированное и упрощенное осознание данной группой своего места и функций в социальном процессе. Это в основном то, как провинциальная номенклатура хотела бы в собственных глазах представлять себя и то, что происходит в регионе, (примерно в таком духе: если трудности, то временные; если успехи, то - начало глубокого позитивного перелома).

Мировоззренческие стереотипы начинают как бы жить своей жизнью и воплощаются в определенном условном языке, в котором за каждым словом или понятием кроется не какая-то реальность, а преимущественно условность и социальный символ, определяемые характером групповых интересов номенклатуры. Бесструктурность политической жизни, анонимность социальных отношений отождествляются, например, с политико-идеологическим плюрализмом и с

мировоззренческой свободой. Бесструктурность же и маргинализация политической жизни провинции являются наиболее предпочтительной средой для групповой самоорганизации административной элиты.

Тем самым, ее мировоззрение является своего рода теоретическим уровнем осознания и воспроизводства своего группового интереса. Это самопознание, самоощущение, самоидентификация элиты через существующие в обществе политико-идеологические символы, характерные для того или иного этапа его социальной трансформации. *Идеология* провинциальной элиты имеет производный и вспомогательный характер и реализует функции социальной, знаковой коммуникации, передачи, распространения, тиражирования и прежде всего адаптации номенклатурного мировоззрения применительно к опыту и образу жизни других социальных групп. Идеология в данном случае не воплощает в себе некий политический смысл и опыт. Она не содержательна, не концептуальна, а функциональна, является системой социальных правил поведения населения в соответствии с мировоззрением административной элиты.

Основной психологический сдвиг в поведении административной элиты провинции обусловлен, в основном, новой ситуацией в отношениях федерального центра и регионов, которая предопределила и ведущее противоречие современной политической жизни на местах. *Данное противоречие можно определить как несоответствие между изменившимся характером воздействия центра на провинцию и социальными возможностями и самоорганизацией местной элиты*

Политическое управление столичной номенклатуры в регионах ощущается все меньше и основная нагрузка в организации власти и самоуправления все больше приходится на местную номенклатуру, социальные и интеллектуальные резервы которой не соответствуют изменившимся обстоятельствам, что она зачастую пытается компенсировать чрезвычайными мерами политического и административного характера. Резко возрастает численность аппарата исполнительной власти и контролирующих организаций, падает значение представительной власти и местного самоуправления. Основные усилия местных правительств и администраций направляются на проведение всевозможных совещаний, контактов с различными производственными и коммерческими структурами в поисках инвестиций и кредитов. Тщательно контролируются средства массовой информации с целью недопущения негативной информации о положении в регионе. Закрываются оппозиционные газеты. Власть в регионе начинает работать в чрезвычайном режиме. У населения формируется психология ничем не обоснованных социальных ожиданий, иждивенчества; у административной элиты - вера в универсальность и всеислие рычагов политической власти в организации экономической жизни.

Психология, основанная на такой вере, обуславливает маргинализацию местной власти как механизма демократического общества. Всесилие номенклатуры, ставка на принуждение в организации и осуществлении власти актуализирует интересы этой группы в политическом процессе в провинции.

Тем самым, основное условие складывания новых моментов в психологии местной номенклатуры - это актуализация ее интересов и маргинализация местного самоуправления и массовых форм политики, непосредственной демократии, что ведет к формированию в широких масштабах психологии политического сообщества мобилизационного, чрезвычайного характера. Ее основные черты:

а) социальная солидарность элиты и населения, формирующаяся в том числе за счет пропагандистского давления власти на умы людей и высокой степени внушаемости населения¹;

б) ставка в экономической жизни и социальном обеспечении на собственные возможности и резервы;

в) культ незыблемости и социально-политической прочности правящего номенклатурного клана;

г) вера, хотя и незначительная, на повседневные успехи в экономической жизни и отождествление этих успехов с деятельностью местных органов власти и в первую очередь ее первых лиц;

д) отождествление регионального суверенитета с полномочиями и функциями минигосударства, восприятие своей социально-политической идентичности преимущественно через обособление от центральной власти, подмена или использование на равных общенациональных, общегосударственных политических символов (флаг, герб, гимн) с региональными символами;

е) откровенный популизм, который отчасти оправдан в момент завоевания власти и который оказывается все более непредсказуемым в процессе дальнейшего развития событий;

ж) культ личной власти, возвышение лидера над правовым пространством и подчинение (напрямую или косвенно) информационного поля;

з) попытка сделать ставку на родственные связи, а также на особо преданные кадры (в связи с последним - их постоянная перетряска).

Помимо этих общих моментов в нравственных и мировоззренческих установках современной административной элиты в регионах присутствуют и специфические явления, характерные только для данной группы. Новые обстоятельства обуславливают и новые психологические *стереотипы*, определяемые ее социальными интересами. Эти стереотипы обнаруживаются, вольно или невольно, в многочисленных интервью и публикациях региональных лидеров, в направленности и характере местной пропаганды, в материалах политических организаций, группирующихся вокруг власти. Предметом особой озабоченно-

ста провинциальной элиты, помимо бюджетных вопросов, являются такие проблемы, как:

1) обновление или смена целиком команд «завоевания», достижения власти на команды «удержания», укрепления этой власти, отделение политических попутчиков от постоянных и потенциальных союзников. Причем, это отделение должно состояться на такой стадии развития политического процесса на местах, когда оно не угрожало бы и не ставило под сомнение личное влияние региональных лидеров. Команда попутчиков в настоящее время отрабатывает модель будущего правящего социально-политического блока, формирует новую иерархическую (под лидера) управленческую структуру. Смена команд в провинции стала уже апробированным способом выхода региональных лидеров из политического кризиса;

2) наиболее оптимальное и соответствующее времени соотношение групповых интересов административной элиты с потребностями нормального функционирования власти и самоуправления. Региональные лидеры постепенно отказываются от наиболее простых и одиозных форм такого соединения. Осуществляется поиск и апробирование более динамичных и гибких форм их сочетания;

3) создание такого управленческого механизма на местах, который, с одной стороны, соответствовал бы экономической структуре и социальным особенностям региона, а с другой - структуре федерального управления и характеру отношений региона с центром. Пока же ни в одном регионе модель такого механизма нельзя признать удачной.

В настоящее время психология самоутверждения административной элиты на региональном уровне постепенно заменяется психологией собственной значимости во всероссийском масштабе. Провинциальная элита все более осознает себя не только существенной, но и доминирующей силой в современном политическом процессе, что имеет свои как положительные, так и отрицательные стороны. Положительные в том смысле, что свои групповые интересы элита пытается соотнести с общегосударственными интересами, а не противопоставить их друг другу. Отрицательные связаны с формированием авторитарных региональных политических сообществ, жестко подчиненных местному лидеру. В этом случае *авторитаризм оказывается способом осуществления власти, а демократия - ее массовой процедурой.*

Ясно, что второе происходит в силу слабости и рыхлости федеральной власти, неспособной в настоящее время предложить для страны объединительную идею, пути реального совершенствования системы управления экономикой и социальной сферой. К сожалению, главные устремления современной элиты направлены на реализацию желания сохранить свою личную власть любой ценой, и поэтому власть, по мнению подавляющего большинства россиян, вообще

не защищает их интересы. Именно поэтому возник опасный для общества симптом, заключающийся в том, что у части сограждан сформировалась психологическая установка на незаконные, противоправные действия². Только треть россиян готова обратиться в суд; 54% не верят вообще в то, что в суде можно добиться справедливости³.

В силу того, что взаимоотношения самих элит до сих пор строятся исключительно на основе субъективных факторов, глубинные системные сдвиги пока не подвергаются серьезному анализу. Усиление авторитарности политики в регионах не означает качественного самоопределения режима и элитных групп в целом. Поэтому получается, с одной стороны, некое соединение блоков с различной системной логикой⁴, с другой - развитие событий в стране происходит по принципу «двойного дна»⁵, когда на поверхности - одно, а начинка - совсем другая.

Отсюда - все эти возникающие стереотипы в мировоззрении и действиях региональных элит, когда зачастую желаемое выдается за действительное, когда реальные процессы облекаются в рамки вынужденной необходимости и ведут к мифологизации всей общественной жизни в провинции. Избавиться от имеющихся и складывающихся стереотипов оказывается чрезвычайно трудно.

Примечания:

¹ Комсомольская правда, 1997, 29 июля.

² Известия, 1998, 23 января, №12.

³ Общая газета, 1998, №1.

⁴ Россия: десять вопросов о самом важном. - М., 1997. - С. 63.

⁵ Известия, 1998, 12 февраля, № 26.